

В. Е. Логинова

Российская духовная миссия в Китае во второй половине XIX века

В статье исследуется деятельность Российской духовной миссии в Китае — стране со специфической культурой — во второй половине XIX в. Описывается шестилетний опыт 14-й духовной миссии под руководством архим. Гурия (Карпова) (1858–1864 гг.), а также попытки его воплощения последующими миссиями вплоть до 1900 г, когда миссия была разгромлена восстанием ихэтуаней и затем возрождена в начале XX в. Особое внимание уделено анализу роли личности миссионера в деле успеха миссии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Российская духовная миссия, Пекинская миссия, миссия в Китае, катехизация, албазинцы, архим. Гурий (Карпов), иером. Исаия (Поликин).

Российская императорская миссия в Китае была основана в 1700 г. для поддержания православия среди пленных албазинцев¹, но так как миссионерская деятельность по распространению христианства преследовалась китайским правительством, до середины XIX в. она исполняла прежде всего дипломатическую функцию. Разделение миссии на дипломатическую и духовную произошло в середине XIX в. после подписания «Трактата между Россией и Китаем об определении взаимных отношений», когда китайские власти разрешили миссионерскую проповедь. Духовная миссия была выведена из компетенции Министерства иностранных дел и передана Святейшему синоду [Бэй-Гуань, 98].

Но смогли ли миссионеры воспользоваться открывшимися возможностями? Ответ на этот вопрос актуален и сегодня, так как в современном Китае наблюдается пробуждение подлинного интереса к христианству, в частности к православию, несмотря

1. В 1865 г. в ходе взятия крепости Албазин были захвачены и депортированы в Китай казаки, впоследствии принятые на службу китайским императором. Также см.: [Смолич, 259–260].

на атеистический режим, который установился после «культурной революции» 1956 г. Есть надежда, что, как и в XIX в., откроются новые возможности для миссии, и поэтому сегодня особенно важно знать историю Российской миссии в Китае — стране со специфической культурой, опыт ее успехов, а также, что немало важно, ошибок.

Для ответа на этот вопрос потребовалось исследование, которое было затруднено тем, что архив миссии уничтожался два раза: в 1900 и в 1956 г. Во время восстания ихэтуаней в 1900 г. была сожжена библиотека миссии. Для воссоздания архива члены 18-й миссии под руководством еп. Иннокентия (Фигуровского) скопировали и частично опубликовали документы, касающиеся прежних миссий, которые сохранились в Азиатском департаменте МИДа и в Синоде. Сборник документов под названием «Краткая история русской православной миссии в Китае» вышел в Пекине в 1916 г. Второй раз архив миссии уничтожили в 1956 г. сотрудники посольства СССР, находящиеся в Пекине. Последнему начальнику миссии архиеп. Виктору (Святину) удалось спасти часть документов, которые после его смерти были переданы в Отдел рукописей Российской национальной библиотеки Санкт-Петербурга. При их сравнении с публикациями, сделанными членами 18-й миссии, выявилось несоответствие: публикации не раскрывали всех трудностей и нелицеприятных моментов, содержали купюры в местах, касающихся недостойного поведения членов миссии, и именно на эти статьи опираются многие современные издания. Особенную ценность представляет дневник миссионера 14-й миссии иеромонаха Исаии (Поликина), в котором он подробно описывал происходящие события. Части этого дневника были найдены в Иркутских епархиальных ведомостях середины XIX века.

В 1958 г., после отделения духовной миссии от дипломатической, в Китай была послана 14-я миссия, которая состояла из 10 человек под началом архим. Гурия (Карпова). В своем отчете по итогам миссии он изложил свой положительный и отрицательный шестилетний опыт в устройстве миссионерско-просветительской деятельности в Китае и дал практические рекомендации Святейшему синоду по ее реорганизации. Этот отчет был положен в основание новой миссионерской инструкции 1864 г., положения которой оставались актуальными для всех последующих миссий вплоть до 1900 г.

Российская духовная миссия 1858–1864 годов

В начале деятельности 14-й Пекинской духовной миссии (1858–1864 гг.) миссионерская проповедь была затруднена, так как, с одной стороны, в Китае сложилась крайне неблагоприятная политическая обстановка; с другой, миссионеры были ограничены инструкцией Святейшего синода, который не давал санкций на широкую миссию в Китае.

Такому положению дел предшествовал ряд исторических событий.

Исследователи считают, что Российское правительство, которому до середины XIX в. китайцы не позволяли создать дипломатическое представительство в Пекине, использовало духовную миссию, чтобы получать необходимые для политики и торговли сведения о стране. Для этого было необходимо доказать китайцам, что в Китае есть паства, и миссия нужна для обслуживания ее религиозных нужд. Сначала пытались представить, что духовная миссия требуется для окормления русских купцов, но китайские власти это отклонили, поскольку русских купцов в стране было немного. Тогда русские посланники вспомнили об албазинцах и представили их китайскому правительству как ревностных православных христиан. Самим албазинцам постоянно напоминали, что они — потомки героев-защитников Албазина, а в своих донесениях в Россию представляли албазинцев как почти ассимилированных китайцами, многие из которых были практически лишены нравственных устоев и лишь держали дома, скорее как фетиш, нательные кресты и иконы [Балмасов].

Это подтверждается инструкцией 1858 г., в которой Святейший правительствующий синод возложил на архим. Гурия «звание и права начальника Российской императорской духовной в Пекине миссии» и дал следующее указание: не оставлять «народа православного без поучения», а также всех, «кои готовы внимать глаголам истины». Более всего следовало обращать внимание «на потомков доблестных защитников Албазина», среди которых есть отпавшие от православной веры, чтобы «возгревать в них охладившееся чувство христианского благочестия» [Инструкции, 167]. В обязанности миссионерам вменялось только знание китайского языка, за его изучение давалась пенсия [Гурий (Карпов), 3332].

Несмотря на узко поставленную задачу и неблагоприятную обстановку, архим. Гурий был уверен, что Российская духовная

миссия может и должна приложить усилия как для поддержания православия, так и для «приобретения новых чад церкви среди самого китайского народа» [Гурий (Карпов), 3312], и не вправе пренебрегать для этого всеми открывающимися возможностями. Для выполнения этой задачи он считал необходимым, чтобы в миссии были специально подобранные и подготовленные люди.

В составе миссии было 10 членов, причем, только 4 из них — духовные, остальные 6 — светские, которые только числились при миссии, они занимались порученными им исследованиями и не считали своей обязанностью распространение веры. Архим. Гурий пишет, что они даже не свидетельствовали о христианской вере своей добропорядочной жизнью [Гурий (Карпов), 3314–3320].

Согласно отчету архимандрита, не все из оставшихся четырех духовных членов оказываются в числе миссионеров. Так, иером. Александр (Кульчицкий)², которому по прибытии миссии в Пекин был вверен приход, ради получения награды в виде пенсии начал массово крестить людей за вознаграждение без соответствующей подготовки. Мужчинам давали при крещении по 40 лан (около 90 рублей серебром), молодым женщинам — еще больше. Эта информация быстро распространилась по всему Пекину, что нанесло ущерб репутации миссии. Когда это обстоятельство вскрылось, иером. Александр попросил уволить его из состава миссии «по состоянию здоровья», его просьба была удовлетворена [Гурий (Карпов), 3314–3320]. Все имеющиеся на сегодняшний день публикации опускают этот нелицеприятный момент, характеризуя вышеописанные крещения как быстрый и несомненный успех миссии. Известна реакция митр. Филарета (Дроздова): «С деньгами наwerbовать христиан — будет ли истинное приобретение для Церкви Христовой?.. Лучше не восходить, чтобы не падать» [Смолич, 266].

Второй член 14-й миссии, иером. Антоний (Люцернов)³ выполнял обязанности казначея и эконома и не находил времени на исполнение миссионерских обязанностей. Ради получения пен-

2. Кульчицкий Александр Иванович (1823–1888), будущий епископ Костромской и Галичский. Происходил из дворянского рода, давшего России святителя Иннокентия Иркутского (1682–1731) (см.: Александр Кульчицкий // Большая биографическая энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/1756/Александр (дата обращения: 11.03.2016)).

3. Архим. Гурий отзывался о иером. Антонии (Люцернове) так: «Студент Новгородской семинарии — из вдовых священников, хороший эконом, в совершенстве знакомый с требоисправлением, но человек горячий, плохо разумеющий китайский язык и в добавок питающий положительное отвращение к китайцам» (см.: [Гурий (Карпов), 3319]).

сии он выучил китайский язык, написал научные исследования⁴, но не участвовал в делах миссии.

Иером. Исаия (Поликин) оказался единственным сотрудником миссии, всерьез воспринявшим ее задачи. О нем архим. Гурий писал: «Кандидат С-Петербургской Духовной Академии, порядочно успевший в китайском языке, но человек молодой, совершенно незнакомый с приходскими делами, весьма неопытный, нрава крутого, нежертливый, и не всегда трезвый» [Гурий (Карпов), 3319]. Он, хоть и желал сохранить право на пенсию, помогая архим. Гурию с переводами на китайский, но был неопытен и «сотрудник очень незавидный» [Гурий (Карпов), 3319]. Несмотря на нелестный первоначальный отзыв, данный ему архим. Гурием, впоследствии, когда тот предложил Исаие остаться в Китае в составе 15-й миссии, он охотно согласился и не покинул свою паству.

Архим. Гурий выбрал его на замену иером. Александру (Кульчицкому) для исправления неблагоприятной ситуации на приходе. Тех, кого иером. Александр крестил без предварительной подготовки, иером. Исаия поручил для научения «людям сведущим»⁵ и стал допускать до крещения лишь изъявляющих желание креститься и только после прохождения испытаний: требовалось знать наизусть, по крайней мере, Символ веры, 10 заповедей и молитву Господню [Гурий (Карпов), 3320]. Детей крестил только после изучения ими краткого катехизиса и заучивания ежедневных молитв, для чего он направлял их в училище. В результате крещения стали более редкими, тем не менее к концу 1860 г. иером. Исаия лично крестил 30 человек и еще 50 подготовил к крещению [Гурий (Карпов), 3319].

Главную проблему архим. Гурий видел в том, что не весь состав миссии имеет желание и способность к миссионерской деятельности, ее члены приезжают в Китай неподготовленными и не настроенными на миссию. В связи с этим архимандрит предлагал отменить пенсии, так как они привлекают людей с корыстными интересами. Он не отрицал важность духовного образования миссионера, но был убежден, что для простых и малообразован-

4. «Иером. Антоний занимался литературой по сельскому хозяйству, прочитал два лучших сочинения по шелководству. Сделал выписки из уложений финансовой палаты о количестве оброчной пахотной земли. Записал сведения о постройке домов, маслобоен, мельниц, орошения полей, изделий из фарфора, бумаги, туши, лаковых вещей, из дерева и слоновой кости. Справочные цены на матери-

алы, поденную и издельную работу. Приобрел несколько моделей земледельческих орудий». (См.: [Бэй-Гуань, 101].)

5. Всех неготовых иером. Исаия перепоручил местному жителю Владимиру, который был крещен еще во время 12-й миссии и окончил два класса училища для мальчиков в Пекине. (См.: [Гурий (Карпов), 3320].)

ных китайцев, которые составляли подавляющее большинство населения, куда полезнее и назидательнее видеть в христианине-наставнике пример благочестивой жизни, особенно если он священник. По его мнению, «только начальник миссии должен быть многосторонне и хорошо образован» [Гурий (Карпов), 3334], потому что ему приходится иметь дело не только с китайцами, но и с инославными миссионерами. Это также важно для христианского свидетельства китайской элите: солидным ученым, состоятельным людям, которые придерживались конфуцианства и с трудом принимали христианское учение [Китайский благовестник. 1914. Вып. 15/16, 21]. С другой стороны, архим. Гурий подчеркивал, что миссия китайским ученым невозможна, если миссионеры сами не идут тем путем, «который хвалят и рекомендуют другим» [Гурий (Карпов), 3333–3334].

Архимандрит понимал, что без знания языка миссия в Китае невозможна. Шестилетнего срока пребывания в Китае достаточно для того, чтобы освоить китайский язык и его тонкости, но мало для того, чтобы принести пользу, каждая миссия начинала с нуля. Поэтому членам миссий нужно изучать язык еще до прибытия в страну, для этого архим. Гурий предлагал открыть в Петербурге преподавание языка при Академии или семинарии. В подготовку также должно было войти изучение понятий и выражений, свойственных вероучениям, наиболее распространенным в Китае (буддизму, магометанству, конфуцианству). «Прослушав такой курс, миссионер приедет в Китай, как в место ему знакомое. Ему не придется теряться в догадках и... ощупью добираться до истины...» [Гурий (Карпов), 3332].

Все вышеизложенное архим. Гурий вывел из собственного опыта, когда был членом 12-й миссии. В 1856 г., готовясь к поездке в качестве начальника 14-й миссии, он снял на пять месяцев 9-комнатную квартиру в Петербурге (до апреля 1857 г.) и проводил там занятия по китайскому языку с назначенными членами миссии. За это короткое время члены миссии усвоили язык в необходимом объеме [Бэй-Гуань, 96–97].

Формы и методы миссии различались в зависимости от ее адресата. С одной стороны, албазинцы были той паствой, духовное попечение о которой архим. Гурию поручил Синод. В деревне Дундин-ань⁶ в 50 верстах от Пекина большинство жителей составляли

6. Дун-Динь-ань (в переводе — Твердый восточный мир).

албазинцы. В ней жили 10 христиан мужчин, крещеных еще во время 12-й миссии, у которых были некрещеные семьи, расположенные к христианству. Несмотря на сопротивление язычников⁷, для обращения албазинцев было достаточно однократной миссионерской проповеди. Прибывший в деревню иером. Исаия сразу окрестил 30 человек, но желающих креститься явилось к нему так много, что крещение пришлось отложить до того времени, когда они «более ознакомятся с христианством» [Гурий (Карпов), 3324].

С другой стороны, по мере укрепления веры и нравов среди албазинцев к православным стали присоединяться язычники. Из сохранившихся воспоминаний современников архимандрита видно, что языческая религия не могла предложить духовного основания, так как состояла из одних наружных форм, церемоний, старинных обычаев и суеверий [Путешествия, 158–159]. Путешественник Петр Добель характеризует китайский народ в целом как людей трезвых, умеренных и деятельных [Путешествия, 94], которые из-за строгих законов и жестокой системы наказаний [Путешествия, 160–163], чтобы выжить, с самого раннего возраста были вынуждены учиться обманывать. Оправданием их безнравственного поведения могла служить традиция почитания родителей: если китаец исполняет все нужные обряды и церемонии, если он послушен родителям при их жизни, а после смерти ежегодно отдает должное почтение их гробницам, он полагает все свои прочие грехи ничтожными в сравнении с пренебрежением этими священными обязанностями. Считалось, что грехи могут быть заглажены молением к низшим божествам [Ведомости. 1869. № 38. 408]. Таким образом, самые безнравственные люди могли быть великими почитателями Конфуция и знали все его поучения наизусть [Путешествия, 171–172].

Архим. Гурий и иером. Исаия считали, что поклонение родителям и старшим является коренным обычаем в Китае и не имеет для них никакого религиозного значения, поэтому, в отличие от последующих миссионеров, не запрещали китайцам-христианам, бывшим язычникам, исполнять его [Ведомости. 1869. № 37, 403–407].

Таким образом, в общении с язычниками миссионерам приходилось приобретать особую компетенцию в апологетике христианства и монотеизма, а также разбираться в китайских божествах и знать обычаи, связанные с поклонением им.

7. В частности жена некого Вонифания (старшего в деревне) была против христианства. Ее два сына были крещены в молодости и умерли, и старуха

считала, что «Будда мстит за измену». (См.: [Гурий (Карпов), 3324].)

Труднее всего продвигалась миссия высокопоставленным китайцам, принадлежащим Дому императора. Они более всех были обязаны исполнять древние обычаи страны, в которой деспотизм был доведен до высочайшей степени, причем не из-за самовластия правителя, а потому, что сам Богдыхан являлся первым рабом «низменных обычаев» страны, которой он лишь внешне управлял [*Путешествия, 160–163*].

Поэтому можно назвать прецедентом ситуацию, когда в 1861 г. весь дом графа Эль изъявил желание ознакомиться с христианством. Этому предшествовала длительная подготовка. Были уже приготовлены около 40 человек (не только господа, но и вся их прислуга) и тут у старших не хватило духу объявить себя христианами, так как они испугались испортить служебную карьеру молодого графа. Они говорили, что их не станут наказывать за принятие христианства⁸, но найдут другой предлог, так что и русское посольство не сможет их защитить [*Гурий (Карпов), 3329*]. Впоследствии из этого дома была крещена графиня (вторая жена графа) и ее тетка, в крещении они получили имена Мария и Анна. Они попросили окрестить их тайно. Для крещения в дом к графине была послана Мария, старшая наставница при женском училище, графиня позже явилась в церковь для совершения миропомазания. В своем отчете архим. Гурий пишет об этом событии: «За два года томительных хлопот — и только две души! И за то благодарение Господу. Бывали хлопоты и томительные, но совершенно безуспешные» [*Бэй-Гуань, 107*].

С 1862 г. число обращений в христианство пошло на спад. Дело в том, что, проповедуя среди албазинцев, миссионеры действовали в подготовленной среде, поэтому их первоначальные труды были успешнее. Когда они перешли «на почву новую, еще не тронутую» [*Гурий (Карпов), 3328–3329*], то встретили больше трудностей и при более значительных усилиях результаты оказались менее значительными.

Одной из основных форм миссии синодального периода являлись переводы Священного писания и богослужебных текстов на языки коренного населения. Миссия в Китае не была исключением: в данной ей инструкции предписывалась необходимость перевода на китайский язык Священного писания, богослужебных книг, краткого катехизиса [*Инструкция*]. За переводческие труды полагалась пенсия [*Гурий (Карпов), 3332*]. Зная благогове-

8. В связи с Тяньцзинским трактатом.

ние китайцев, которые «приучены на книгу смотреть, как на что-то священное» [Гурий (Карпов), 3336], архим. Гурий настаивал, чтобы переводы были напечатаны. Это был единственный способ привлечь внимание ученых, а также высокопоставленных китайцев императорского Дома, так как «никем не замечаемый китаец с большой охотой и удобством прочтает книгу и без помехи подумает о написанном» [Гурий (Карпов), 3336].

Архимандрит организовал в Пекине печать китайским способом: гравированными деревянными досками, которые после использования хранились в библиотеке миссии. Контроль за процессом печати архим. Гурий осуществлял лично.

Для проведения катехизических бесед архимандрит использовал переводы огласительных книг, сохранившихся со времен 12-й миссии, внося в них необходимые исправления, а также сделал переводы новых книг. В итоге им были переведены: «Священная история Ветхого и Нового завета с краткой церковной историей», «Краткая История Ветхого Завета в виде руководства для школьников», «Соборное послание св. Апостола Иакова», «Пространный катехизис», «Разговор между испытующим и уверенным», «Краткие жития святых за год» и др.

Еще одна типовая форма миссии синодального периода — использование языка просвещаемого народа и привлечение к церковному служению новообращенных из местного населения [Стамулис, 139]. Архим. Гурий видел острую необходимость в переводе богослужения на китайский язык, «дабы китайцы могли... присутствовать при богослужении с большим назиданием» [Гурий (Карпов), 3337]. Случалось, на богослужение из любопытства приходили язычники, это приветствовалось [Ведомости. 1869. № 36, 395]. Во времена 14-й миссии службы совершались на славянском языке; на литургии пели по-китайски только Символ православной веры, «Достойно есть» и «Отче наш». Архим. Гурий предпринял большие усилия для перевода всего богослужения на китайский язык. В итоге за время его пребывания в 14-й миссии им были переведены: «Литургия Златоуста, Псалтырь, Требник, Служебник, Последование Всенощного бдения и др.» [Бэй-Гуан, 140].

Опираясь на инструкцию, п. 11 которой предписывал беседовать о вере с теми, кто принял крещение, «в кратких словах, наглядно в примерах, доступных понятию и простого слушателя», архим. Гурий организовал беседы, в которых принимали участие все новокрещенные. Во время таких бесед все «недоумения», «разные трудности», а также «принятые обычаи» предлагалось

совместить с требованиями евангелия и предложить разрешение на каждое «недоумение», на каждую «трудность» — согласование с евангельским духом. А если что-то не согласовалось, то вместе находили способ, как это преодолеть. В конце беседы было очередное чтение из книг: «Катехизиса», «Священной истории» или других книг духовного содержания, имеющих на китайском языке. После прочтения оно становилось темой нового разговора с точным и полным объяснением на понятном для китайцев языке [Гурий (Карпов), 3319].

Еще во время 12-й миссии между 1844 и 1848 г. архим. Гурий собрал часто задаваемые вопросы, прозвучавшие во время аналогичных бесед. Три тетради с его записями впоследствии представили большую ценность для миссионерского дела. Они содержали вопросы о посте, молитве, исповеди и св. причащении.

Первое время беседы с прихожанами проходили три раза в неделю, что занимало значительную часть времени и в результате его не хватало на работы по переводу Священного писания, которое было необходимо для тех же бесед. С Пасхи 1862 г. было решено собираться для катехизических бесед только по воскресеньям после литургии. Беседы заканчивались не ранее 14 часов. Причем у каждого желающего сохранялась ежедневная возможность прийти и задать вопрос с 12 до 14 часов дня. Евангелие читали в воскресенье. В будние дни, когда беседы проводились три раза в неделю, на них читали и обсуждали «Краткий катехизис», «Священную историю Ветхого Завета», «Жизнь Господа нашего Иисуса Христа» и другие книги. Также изучались молитвословия на разные случаи, значения обрядов и действий при совершении семи таинств, состав вечернего и утреннего богослужения, литургии, история Церкви Христовой до нашего времени (кратко), «О возникновении разных ересей и созванных против них соборах, а также причины отделения Западной Церкви от Восточной» [Гурий (Карпов), 3322].

«Ищущих наставлений в вере так много, что мне почти нет времени заниматься переводами, а казенною перепискою еще меньше», — писал архим. Гурий. Ищущие приходили к нему и в неурочные дни с вопросами, о чем он размышлял, «что это очень приятно, но не по силам одному человеку». Ему очень хотелось «иметь священника из китайцев», которому он мог бы порекомендовать чтения катехизиса с необходимыми пояснениями. Он надеялся, что зародившаяся вера распространится за пределы этого «маленького кружка».

Архим. Гурий понимал, как важно обучать в училищах детей албазинцев, чтобы через это научались и взрослые. Китайцы-христиане по бедности и необразованности не могли дать своим детям образования. Еще тяжелее была ситуация у язычников, которые от чрезвычайной нищеты оставляли своих детей на улицах, или воспитывали мальчиков, чтобы сделать из них комедиантов, а девочек отдавали в распутство, так как это были самые выгодные ремесла в стране [*Путешествия, 175–176*].

Архимандрит предложил устроить при миссии в Пекине училище для албазинских мальчиков с трехклассовой программой обучения. Окончив такой курс, они могли бы стать катехизаторами или священнослужителями, не только хорошими христианами, но и надежными помощниками в деле распространения веры.

Большую пользу Гурий (Карпов) видел в открытии училища для девочек, что было в Китае неслыханным нововведением. Только богатые китайцы могли учить своих дочерей, но делали они это втайне. Училище для всех девочек, преимущественно бедных, желающих научиться христианству, а также рукоделию, необходимому в быту, не могло не поражать китайцев. Архимандрит рассуждал, что воспитанные в духе христианского благочестия девицы могут позаботиться о воспитании своих детей и сохранить мужей в вере. Также со временем они могут стать помощницами в деле проповеди, им можно будет поручить христианское просвещение женщин и девиц перед крещением. При наличии таких помощниц и самим миссионерам было бы спокойнее больше времени уделять мужской половине [*Гурий (Карпов), 3341*]. И к августу 1861 г. 14 воспитанниц в училище изучали Священную историю, катехизис, китайскую грамоту и рукоделия, в том числе и «вышивание иголками» [*Ведомости. 1863. № 17, 243*].

В Китае сложилась отличная от христианской европейской культуры особенность: китайцам казалось непонятным христианское милосердие, у них не было ни одного благотворительного заведения, кроме казенных магазинов, в которых в голодные годы продавали рис по обычным ценам, причем не из соображений милосердия, а для предупреждения бунтов и возмущений, которые случались в голодное время [*Путешествия, 173*]. Китайцы всегда удивлялись, когда члены миссии являли милосердие, ведь даже в многолюдном Пекине редко можно было увидеть, «чтобы китаец подал грош бедняку, умирающему от голода и холода» [*Ведомости. 1863. № 24, 373*]. Архим. Гурий предложил

организовать при миссии небольшую больницу на 6 коек: 3 для женского отделения, 3 — для мужского, понимая, насколько это нужно. К сожалению, его идея так и не воплотилась в жизнь, благотворительную помощь в окормляемых им деревнях оказывал лишь иером. Исаия, используя походную аптечку и свои личные познания в европейской медицине, что служило делу миссии и помогало обращению язычников [*Ведомости. 1863. № 25, 389*].

Также миссионеры практиковали материальную помощь бедным братьям по вере, что привлекало язычников с корыстными интересами. Зная, насколько это опасно для репутации православного христианства, миссионеры тщательно блюли честь миссии и отказывали тем, что пришел креститься в надежде на получение последующего содержания [*Ведомости. 1863. № 25, 372–373*].

Архим. Гурий (Карпов) отмечал острую нужду в рукоположении священников и дьяконов из китайского народа. Они были бы лучшими проповедниками в стране, русским никогда не усвоить всех оттенков произношения, многочисленных нюансов речи и приличного поведения, без которых человек здесь не может быть уважаем. Архимандрит считал немаловажным и привлечение в дело миссии помощников-катехизаторов. Есть свидетельство, как эта его идея воплотилась: в деревне Дун-Дин-ань миссия обрела катехизаторов из местных жителей — Владимира и Ивана Юй [*Ведомости. 1864. № 18, 426*].

В деле успеха миссии далеко не последним стоял вопрос финансирования. Миссионерам были необходимы средства, а их все время не хватало: государство выделяло 15 тыс. руб. серебром в год [*Гурий (Карпов), 3346*]. В своих донесениях архим. Гурий старался со всей учтивостью, но настойчиво и аргументированно обосновывать необходимость дополнительного финансирования миссии, подчеркивая его пользу и важность. В результате от имени императрицы для новокрещенных китайцев были пожалованы (однократно) нательные крестики, образки и иконы⁹, а также 2 тыс. руб. серебром для училища для девочек, которое ранее поддерживалось только за счет миссии с помощью экономного расходования средств.

Благодаря огласке деятельности миссии в церковных изданиях, туда поступали подарки от различных жертвователей [*Ведо-*

9. «С сентябрьской почтою мы получили в двух ящиках а) 65 икон превосходного письма на медных досках, б) 200 серебряных вызолоченных крестиков и в) 25 финифтяных образков, в сере-

бряной оправе под позолоту. Дар — по изящной работе и ценности — действительно царский! Излишне говорить о том, с какою благодарностью мы приняли этот дар христианского усердия. Мы

мости. 1864. № 5, 82–86]. Кроме того, тесное духовное общение архим. Гурия с русскими купцами в Китае способствовало тому, что они также охотно и с благодарностью жертвовали средства и привозили дары. В частности, купцы пожертвовали большую сумму на постройку молитвенного дома в Дун-дин-ане.

Для будущего материального самообеспечения миссии архим. Гурий планировал приобретение имений, на что также просил дополнительных средств у государства [*Гурий (Карпов), 3346*].

Итогом миссии этого периода стало 200 обращенных в христианство жителей Китая.

Российская духовная миссия 1864–1900 годов

Как было сказано ранее, все последующие миссии руководствовались инструкцией, которая учла опыт 14-й миссии в Китае, и казалось, что все последующие должны стать успешными. Но этого не произошло. Рассмотрим причины.

Несмотря на рекомендации архим. Гурия, а вслед за ним и Святейшего синода о том, чтобы в миссию набирались только люди, свободно захотевшие послужить делу Божьему, это так и не было осуществлено. Министерство решило, что теперь каждый раз при смене миссии «способнейший» из миссионеров будет оставаться в Китае. Таким способнейшим являлся, по общему мнению, иером. Исаия, который и сам изъявил желание остаться в миссии.

Это был редкий тип монаха, соединявшего в себе качества деятельного администратора и хозяина с более высоким призванием убежденного проповедника. <...> О. Исаия с ничтожными средствами много сделал для распространения и укрепления православия среди албазинцев и язычников, и не его вина, если успехи... в этой области впоследствии замедлились или даже совсем остановились [*Коростовец, 73–74*].

Далее миссия в Китае не складывалась, так как не только приезжавшие члены миссий, но и сами начальники не видели в миссионерской деятельности своей основной задачи. Так, сменивший архим. Гурия архим. Палладий (Кафаров)¹⁰ (бывший на-

видим в нем знамение Божия благословения, залог небесной помощи в деле проповеди Слова Божия, видим это, потому что о пособии от Ее Величества и помыслить не смели» [*Гурий (Карпов), 3328*].

10. Архим. Палладий (Кафаров) (в миру — Петр Иванович Кафаров, 1817–1878) — синолог, сын священника, учился в казанской семинарии; с первого курса Санкт-Петербургской духовной академии

чальник 13-й миссии) углубился в научные занятия, часто уезжал для исследований, предоставляя заботу о пастве иером. Исаие.

Прибывший вместе с новым составом 15-й миссии и направленный в Ургу иером. Сергей (Артамонов) не занимался миссионерской деятельностью, а обслуживал духовные потребности русского населения в Монголии, где не смог выжить и одного года и «подпал слабости винопития» [*Бэй-Гуань*, 112]. Другой иером. Пимен (Сипягин) после двух лет жизни в Пекине разочаровался в миссии и, сняв с себя сан и монашество, вернулся в Россию [*Бэй-Гуань*, 128].

В 1874 г. 15-я миссия была усилена иером. Флавианом (Городецким)¹¹, который после отъезда архим. Палладия в 1878 г. был назначен начальником 16-й миссии и возведен в сан архимандрита¹². Архим. Флавиан тяготился пребыванием в Пекине, было время, когда он оставался единственным членом миссии в Пекине. Он писал:

...Весьма скучаю и отчасти даже и скорблю, что выпал мне жребий такой службы... я никак не могу допустить мысли, чтобы не только остаться навсегда в Пекине, но даже и на продолжительное время... Я вот уже полтора года живу в Пекине... но говорить много по-китайски еще не могу. Жизнь здесь очень скучная; нужно все сидеть дома; никуда нельзя ни пойти, ни поехать. Хотелось бы мне очень поскорее воротиться в Россию... В сравнении с настоящим положением, в Симферополе... я просто катался как сыр в масле. <...> Людей видишь редко; занятие только перевод с русского на китайский [*Бэй-Гуань*, 123–124].

В 1883 г., когда исполнилось 10-летие службы¹³, архим. Флавиан, «чувствуя утомление» [*Китайский благовестник*. 1912. Вып. 2, 5], попросил его уволить и вернуть в Россию.

пострижен в монахи и отправился в Китай с 12-й духовной миссией. Рукоположенный в иеромонахи и назначенный начальником 13-й миссии, он в 1849 г. вторично прибыл в Китай, где оставался до 1859 г.; после того был настоятелем церкви русского посольства в Риме. В 1864 г. он снова стал во главе китайской миссии; совершил, по предложению географического общества, экспедицию в Уссурийский край для этнографических и археологических исследований (1870–1871).

11. Архим. Флавиан (Городецкий), в миру Николай Николаевич Городецкий; (1841–1915) — епископ Русской православной церкви, митрополит Киевский и Галицкий. Духовный писатель.

12. В январе 1879 г. иером. Флавиан был официально назначен Св. синодом главой новой миссии. В связи с отсутствием епископа, по благословению митр. Исидора он не выехал из Пекина для возведения в сан архимандрита, а сам возложил на себя знаки, присвоенные этому сану. См.: [*Дацьшен*, 202].

13. 10 лет — это был срок, после которого по инструкции полагалось пожизненное пособие.

В 1882 г. был рукоположен священник о. Митрофан Цзи, бывший катехизатор и учитель школы. За неимением епископа в Пекине он был рукоположен в Японии еп. Николаем (Касаткиным). Это был первый случай принятия православным китайцем священного сана. По свидетельству современников, свящ. Митрофан Цзи не хотел рукополагаться, а после этого не занимался своими прихожанами в деревне Дун-Дин-ань, «запустил церковную службу и, в конце концов, заболел меланхолией» [*Коростовец*, 82]. Освидетельствовавший его врач Императорской Российской дипломатической миссии Николай Вент в апреле 1892 г. поставил диагноз: «слабоумие» и дал заключение:

Предсказание о выздоровлении неблагоприятно, так как сопутствующая этому состоянию атрофия мозга обыкновенно продолжает развиваться до самой смерти. А потому больной не может быть способен исполнять обязанности священнослужителя, как вообще заниматься делом, требующим продолжительного внимания [*Амфилохий*, 2756].

С его уходом другого кандидата на должность священника не нашлось.

На место начальника Пекинской миссии в 1883 г. был назначен архим. Амфилохий (Лутовинов)¹⁴. Он также не уделял никакого внимания миссии, почти никуда не выезжал, занимался историей христианства в Китае, собирал китайские древности и «даже ухаживал за редкими видами растений в миссионерской оранжерее» [*Дацышен*, 205].

Таким образом, по словам еп. Николая (Касаткина), во времена 17-й миссии «проповедь не проникала за ограду монастыря» [*Бэй-Гуань*, 126]. Еп. Николай (Касаткин) с горечью свидетельствовал о том, что «в Пекине наша миссия мертвая» [*Дневники*, 504], и писал о необходимости «усиления миссии в Китае, где наши миссионеры не слышно, чтобы что делали» [*Дневники*, 401]. В 1890-х гг. для усиления миссии Святейший синод сделал запрос в духовные заведения (Киевскую, Московскую, Петербургскую, Казанскую духовные академии, Иркутскую семинарию), чтобы найти желающих поступить на службу в Пекинскую миссию

14. Архим. Амфилохий (Лутовинов Александр; † 1905, Тифлис), глава 17-й Пекинской духовной миссии, китаист. Родился в дворянской семье в Курской губернии.

с принятием монашеского сана. Но из-за условий пребывания в ней, которые предлагала инструкция (отсутствие пенсий, длительные сроки пребывания), никто из студентов не изъявил желания поехать [Амфилохий, 2756].

Приезжающие в Китай миссионеры сами не верили в возможность широкого распространения православия и ничего не предпринимали для этого¹⁵. Они попадали в страну неподготовленными, не зная языка, и даже проживая длительное время в Пекине, плохо знали его. Члены миссии ссорились между собой, среди них не было единодушия, необходимого в деле евангельской проповеди.

Было единичное исключение: родной брат иером. Исаии, иером. Корнилий, студент Петербургского университета, в 1873 г. решил посвятить свою жизнь службе в Пекинской миссии, но умер в дороге, не доехав до Пекина всего двенадцати верст [Бэй-Гуань, 113].

По приезде в 1897 г. начальника 18-й миссии еп. Иннокентия (Фигуровского) еп. Николай (Касаткин) высказал следующее мнение: «Хороший он человек, но вряд ли обновит Пекинскую Миссию» [Дневники, 594]. Однако, как оказалось, именно еп. Иннокентий более других послужил возрождению миссии в Китае в XX в.

Таким образом, с 1864 г. успехи миссии связаны только с именами архим. Гурия (Карпова) и иером. Исаии (Поликина), продолжавшего трудиться над просвещением и воспитанием албазинцев, что было главным предметом его заботы. Когда он вернулся из отпуска, который ему дали по окончании 14-й миссии, он нашел свою паству в тяжелом нравственном состоянии.

...С возвращением в Пекин (из отпуска), открылось для меня широкое поле работы, и, слава Богу, работа идет успешно; потому что хотя деятелей и мало, но зато одна воля и одна душа. Христианство принимают больше чем прежде, хотя строгости и решительности в действиях больше. Прежде ложно думали, что шитьём одежд и раздачею денег можно удержать, особенно албазинское старье, в недрах Церкви. И теперь было некоторые пробовали говорить, что если «шеньфу-бу-шан ишан, вомынь бу нын шан тан!»¹⁶. И не ходите, отвечал я: таких дурней и не нужно. В следующее воскресенье прочитал им одно из апостольских правил, что кто без основательной причины три недели не посещает храма Божия, тот подвергается отлучению.

15. Однажды на вопрос: «Когда Китай станет христианским государством?», архим. Флавиан ответил: «Никогда» [Дацьшен, 212].

16. Если священник не даст нам платья, мы не пойдем в церковь (пер. «Русский архив»).

И не стали ходить. Но вообще скажу, что много нужно слов и дела, чтобы выветрить из албазинских дудз (животов) старинные странные понятия [Коростовец, 80–81].

Благодаря тому, что он не шел на компромиссы, не мирился с их идолами, ленью и грехом, доступно проповедовал [Ведомости. 1870. № 16–17, 408], оказывал медицинскую помощь, научал благотворительности и милосердию, ситуацию удалось выровнять. Желających принять христианство стало еще больше, чем прежде, приходили даже из других деревень. Иером. Исаия так отзывался о своей пастве:

...В новопросвещенных много есть отрадных явлений; но вообще все они точно почва г. Пекина: нужно над ними трудиться, вырвать весь этот мусор лени, тунеядства, спеси и пр., пока дороешься до настоящей земли, до сокровенных желаний их человеческого духа [Коростовец, 81].

Смерть иером. Исаии в 1871 г. была невосполнимой утратой для миссии. В источниках, отражающих более позднее время¹⁷, не выявлено ни одного случая миссии. Деревня Дун-дин-ань оказалась заброшенной, члены миссии посещали ее не более двух раз, но никого не исповедовали, не причащали, так как не знали китайского языка. По свидетельству еп. Николая (Касаткина) «католическая миссия, видя это стадо без пастыря, обратилась к нашему посланнику, тот к французскому, и сей запретил католической миссии касаться Дун-динь-анцев; так они и до сих пор остаются заброшенными. О. Митрофан назначен был жить у них, — для того, кажется, и иереем поставлен был здесь, в Японии, — но не захотел, куда-де в такой деревне! И пребывает ныне, кажется (sic), в умопомешательстве» [Дневники, 505].

Тем не менее, во время пребывания архим. Амфилохия число православной паствы достигло 459 человек. По признанию самого архимандрита, «денежные подачки и поддержки миссии, в случаях притеснения местных властей, занимают не последнее место в числе побуждений, заставляющих китайцев оставаться верными православию. <...> ...В нравственном же отношении это (албазинец) в лучшем случае тунеядец, рассчитывающий на поддержку миссионеров, а в худшем — пьяница и мошенник.

17. До конца XIX в. — В. Л.

Буйство и разбой — заурядные явления в албазинской колонии, поставляющей кандидатов для тюрьмы и для ссылки. При таких вкусах албазинцы очевидно мало склонны к посещению церкви, куда являются в большие праздники, когда предстоит раздача денег» [*Коростовец*, 83–84]. Больше не было случаев обращения язычников, денежные подачки развращали паству. Албазинцы жили в качестве прислуги в дипломатической и духовной миссии (старшие слуги, повара, дворники, певчие, и т.п.) и образовывали сплоченную группу, «албазинскую паутину», которой «опутывали» русских. Слуги имели многочисленную безработную родню вне подворий и поддерживали их.

Если ваш слуга — албазинец — лентяй и вор, и вы желаете от него избавиться, то вам представляется одно из двух: примириться с этими недостатками или же взять вместо него другого албазинца, еще более ленивого и вороватого. Нанять не-албазинца трудно, ибо вся шайка албазинцев восстанет против пришельца и постарается выжить его из подворья. Впрочем, в последнее время в дипломатической миссии сделаны попытки освободиться от албазинской зависимости, и прежняя преемственность в деле найма слуг непременно из этой среды начинает исчезать [*Коростовец*, 83–84].

Причина, из-за которой не велась миссия, объяснялась недостатком выделяемых средств, хотя ежегодная сумма была значительно выше, чем у других миссий¹⁸, к тому же были и другие источники дохода в виде процентов с небольшого капитала, а также со сдачи в аренду имеющейся в собственности земли. За все время пребывания архим. Амфилохий только два раза выезжал для окормления русских купцов, хотя они многократно его об этом просили [*Дацышен*, 210].

Члены 15-й миссии сделали перевод воскресных служб и Октоиха, было напечатано свыше 20 сборников, содержащих православное богослужение на китайском языке. Иером. Исаией составлен китайско-русский разговорник.

Иером. Исаия делал переводы на простонародный язык (сухуа), и в 1866 г. состоялось первое богослужение полностью на китайском языке. Но после его смерти архим. Палладий, действуя в соответствии со ст. 14–15 новой инструкции, изъяс-

¹⁸. Выделялась сумма более 20.000 руб. серебром в год.

переводы из употребления. Архим. Палладий был ярким противником простонародного языка в богослужении, находя его слишком вульгарным и несоответствующим «величию и важности священослужения» [*Китайский благовестник*. 1912. Вып. 2, 4]. Он рекомендовал употреблять для этой цели книжный язык (вэнь-хуа), а так как переводов еще не было, вернул богослужение на церковнославянский язык. Архим. Флавиана не устраивало такое положение вещей: он сделал перевод на литературный язык и начал богослужение на китайском языке снова, но малообразованные китайцы плохо понимали его.

Архим. Гурий и иером. Исаия осознали невозможность проповеди через толмачей¹⁹. Иером. Исаия в своих дневниках писал:

Без знания же китайского языка, по нашему мнению, проповедь христианства в Китае и не мыслима. Мы никак не можем понять, как может влиять на народ проповедь, совершаемая чрез толмача? — Если проповедовать чрез толмача, то... можно делать это... когда сам толмач вполне ознакомился с христианским вероучением и во время передачи проповеди до глубины души своей проникнут духом и силой речи проповедника. <...> Показываешь ему дневное Евангелие, объясняешь неясные места, делаешь нравственные выводы и раза два проговоришь ему почти всю проповедь. Все поймет, перескажет отлично, станет говорить к народу, выходит то, да не то; не тот дух, нет необходимой силы; если дело коснется обличений местных заблуждений, недостатков, он непременно сгладит; потому что, по китайским обычаям, как де можно прямо в глаза говорить человеку, что он дурно себя ведет или что признаваемая им вера ведет его прямым путем в ад! [*Ведомости*. 1869. № 38, 415].

Теперь же члены миссии не знали языка и проповедовали только во время богослужения по поучениям, сохранившимся после иером. Исаии, через толмачей, которых называли катехизаторами.

Практика таких бесед сохранялась до тех пор, пока в миссии были катехизаторы. Когда последний катехизатор умер, не нашлось человека, который мог бы заменить его, поэтому прекратились проповеди на богослужениях и катехизация. Архим. Флавиан хотел восстановить беседы, назначив катехизатором специально для этих целей рукоположенного свящ. Митрофана Цзы, но все

19. Толмач (стар.) — переводчик (В. Л.)

сборники поучений исчезли, их нигде не могли найти. Позже выяснилось, что «их положили в гроб последнему умершему катехизатору Антонию» [*Китайский благовестник*. 1912. Вып. 2, 3–4]. Этот факт говорит о том, что катехизические поучения, возвещаемые через толмачей, были не действенными: жизнь язычников не менялась, они не понимали сути христианской жизни, у них сохранялись языческие обряды и обычаи. Архим. Флавиану пришлось сделать повторный перевод, но свящ. Митрофан Цзы, как было сказано выше, заболел и не смог проводить беседы. Таким образом практика бесед прекратилась.

Школа при миссии также пришла в упадок. В ней учились дети от 6 до 16 лет, 27 мальчиков и 28 девочек²⁰. Ученикам и ученицам давали праздничную одежду, а их родителям — пособие от 50 коп. до 1 рубля в месяц, чем и объяснялось посещение их детьми школы, без этого она бы пустовала. Дети учились небрежно, не понимая смысла. Задуманное архим. Гурием влияние школы на нравственное состояние детей было ничтожно, поскольку они оставались в школе недолго, а оставшуюся часть дня проводили дома среди безнравственности, безверия и суеверия язычников, ведь язычники и христиане жили вместе. Предполагалось сделать школу закрытой, расширить образовательную программу, поместить учеников под присмотр и влияние наставников, но осуществить это не удалось из-за недостатка средств.

Хотелось бы привести высказывание одного известного западного миссиолога о миссии: «свидетельствование, служение, справедливость, исцеление, примирение, освобождение, мир, благовестие, общение, создание церквей» [*Бош*, 640]. Если рассматривать Российскую духовную миссию в Китае во второй половине XIX в., то можно с уверенностью утверждать, что такая миссия существовала во времена архим. Гурия и его последователя иером. Исаии. К рубежу XIX и XX вв., когда вспыхнуло восстание ихэтуаней, которое современная литература описывает как разгромившее Российскую духовную миссию, миссионерская деятельность в Китае уже практически не велась. Следует отметить, что Церковь канонизировала 222 китайских мученика, убитых во время восстания ихэтуаней, среди которых оказался свящ. Митрофан Цзы. Но до сих пор не канонизирован миссионер, обративший в христианскую веру целую деревню, который добровольно остался в Китае после окончания миссии и разделил

20. Сведения на 21 апреля 1893 г.

жизнь со своей паствой — иером. Исаия (Поликин). Таким образом, опыт Российской духовной миссии во второй половине XIX в. свидетельствует о том, что качество и плоды миссии в очень большой степени зависят от личности миссионера.

Источники

1. *Амфилохий* = Рапорт Пекинской Духовной Миссии архимандрита Амфилохия от 24 августа 1892 г. № 39 с приложением // РГИА. Ф. 796 : Канцелярия синода. Оп. 173. С. 2756.
2. *Гурий (Карпов)* = Гурий (Карпов), архим. Отчет начальника императорской миссии в Пекине, 1864 : [Копия] // ОР РНБ. Ф. 1457 : Виктор (Святин), митрополит Краснодарский и Кубанский. Д. 178. С. 3312–3346.
3. *Ведомости. 1863. № 17; Ведомости. 1863. № 24; Ведомости. 1863. № 25; Ведомости. 1864. № 5; Ведомости. 1864. № 18; Ведомости. 1869. № 36; Ведомости. 1869. № 37; Ведомости. 1869. № 38; Ведомости. 1870. № 16–17* = Иркутские епархиальные ведомости за 1863–1873 гг. URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/irkutskeparchyvedomosti/index_ru.html (дата обращения: 11.03.2016).
4. *Инструкции* = Инструкции архимандриту Гурию, начальнику 14-й духовной миссии // ОР РНБ. Ф. 1457 : Виктор (Святин), митрополит Краснодарский и Кубанский. Д. 167.
5. *Китайский благовестник. 1912. Вып. 2; Китайский благовестник. 1914. Вып. 15/16* = Китайский благовестник. URL: http://www.orthodoxchina.info/localchurch/kitajskijblagovestnik/index_ru.html (дата обращения: 11.03.2016).
6. *Коростовец* = Коростовец И. Я. Русская духовная миссия в Пекине // Русский архив. 1893. Вып 9. С. 57–86. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book7627/413540/> (дата обращения: 11.03.2016).

Литература

1. *Бош* = Бош Д. Преобразование миссионерства : Сдвиги парадигмы в богословии миссионерской деятельности. СПб. : Христианское общество «Библия для всех», 1997. 640 с.
2. *Балмасов* = Балмасов С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. URL: <http://knigosite.org/library/read/93308> (дата обращения: 11.03.2016).
3. *Бэй-Гуань* = Бэй-Гуань : Краткая история российской духовной миссии в Китае / [Сост. Б. Г. Александров]. М.; СПб. : Альянс–Архео, 2006. 264 с.

4. *Дацышен* = Дацышен В. Г. История Российской Духовной Миссии в Китае. Гонконг : Братство свв. первоверх. апп. Петра и Павла, 2010. 448 с.
5. *Дневники* = Дневники святого Николая Японского : В 5 т. / Сост. К. Никамура. СПб. : Гиперион, 2004. Т. 2. 880 с.; Т. 3. 896 с.
6. *Кульчицкий* = Кульчицкий Александр // Большая биографическая энциклопедия. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc.biography/1756/Александр> (дата обращения: 11.03.2016).
7. *Путешествия* = Добель П. В. Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Манилле и Индо-Китайском архипелаге бывшего российского генерального консула на Филиппинских островах, коллежского советника Петра Добеля : В 2 ч. / Сост. и пер. с англ. А. Дж. Ч. 1. СПб. : Тип. Н. Греча, 1833. 237 с.
8. *Смолич* = Смолич И. К. История Русской Церкви : [В 9 кн.] Кн. 8. Ч. 2 : 1700–1917. М. : Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 797 с.
9. *Стамулис* = Стамулис И. Православное богословие миссии сегодня. М. : ПСТБИ, 2003. 448 с.

Список сокращений

ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
РГИА	Российский государственный исторический архив

V. E. Loginova

The Russian Spiritual Mission in China in the Second Half of the XIX Century

The article deals with the missionary activities of the Russian Spiritual Mission in China, a country with a specific culture, in the second half of the XIX century. The author describes a six-year experience of the XIV Spiritual Mission led by Archimandrite Gury (Karpov) (1858–1864) and the attempts by the posterior missions to continue these efforts until 1900 when the mission was crushed by the Boxer Rebellion and then revived in the early XX century. Particular attention is paid to analysing the role of the missionary's personality in relation to the success of mission.

KEYWORDS: Russian Spiritual Mission, Beijing Mission, missionary work in China, catechesis, Albazinians, Archimandrite Gury (Karpov), Hieromonk Isaiah (Polikin).